

УДК 930(929)

DOI: 10.22162/2500-1523-2021-4-642-660

«Атлас тибетской медицины» и вклад П. Б. Балданжапова в его изучение и сохранение

Сэсэгма Гэндэновна Жамбалова¹

¹ Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник

 0000-0002-2672-8126. E-mail: zhambalovas@yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2021

© Жамбалова С. Г., 2021

Аннотация. *Введение.* В статье, предметом которой выступает история изучения «Атласа тибетской медицины» в Бурятском институте общественных наук, впервые с новых позиций рассматриваются следующие *задачи*: рассмотреть историю бурятской копии данного памятника и провести атрибуцию; исследовать масштаб и факторы личного вклада востоковеда П. Б. Балданжапова в изучение и сохранение памятника; выявить особенности культурного взаимодействия в трансграничном буддийском регионе России и Тибета. *Материалы и методы.* Статья написана на архивных, литературных, полевых и электронных источниках. В ней используются современные методы исторической науки, предмет и объект исследования рассматриваются сквозь призму концепта «интеллектуальная биография». Интеллигентность понимается как психологическое свойство человека, как качество личности, которое формируется на основе ее моральной направленности. *Результаты.* «Атлас тибетской медицины» — свод иллюстраций к трактату «Вайдурья-онбо», комментария к «Чжуд-ши». Превосходная копия с конца XIX – начала XX в. была собственностью бурятских дацанов, а с 1936 г. хранится в Национальном музее Республики Бурятия. Изучение забытого памятника начато по инициативе П. Б. Балданжапова, в 1968 г. создавшего научный отдел в Бурятском институте общественных наук, в котором по его рекомендации наряду с учеными работали ранее репрессированные бурятские ламы, знатоки тибетского языка, философии и медицины. Изучение и сохранение памятника имело для него нравственное, этическое значение, было обусловлено особым психологическим состоянием интеллигента, личности, сформированной буддийской средой, адептами буддизма. Будучи ученым-востоковедом, работавшим в академическом институте, он располагал ресурсами и возможностями, которые позволили исполнить предназначенную судьбой миссию по возвращению в мир памятников буддийской культуры в атеистическом государстве. *Выводы.* Приведенные достоверные материалы свидетельствуют, в первую очередь, о том, что в буддийском трансграничном регионе России и Тибета активно протекали процессы культурного взаимодействия, в результате которых в Бурятию попали «Атлас тибетской медицины» и другие ценные памятники. В статье доказана уникальность памятника и выявлен значительный масштаб и объективные факторы большого личного вклада известного востоковеда П. Б. Балданжапова в его изучение и сохранение.

Ключевые слова: интеллектуальная биография, П. Б. Балданжапов, востоковед, интеллигент, инициатор, изучение, сохранение, «Атлас тибетской медицины», средневековый памятник Тибета, буддийская святыня России, буддийские священнослужители

Благодарность. Статья подготовлена в рамках государственного задания — проект «Россия и Внутренняя Азия: динамика геополитического, социально-экономического и межкультурного взаимодействия (XVII–XXI вв.)» (номер госрегистрации: 121031000243-5).

Для цитирования: Жамбалова С. Г. «Атлас тибетской медицины» и вклад П. Б. Балданжапова в его изучение и сохранение // Монголоведение. 2021. Т. 13. №. 4. С. 642–660. DOI: 10.22162/2500-1523-2021-4-642-660

The Atlas of Tibetan Medicine and Purbo B. Baldanzhapov's Contribution to Its Study and Preservation

*Sesegma G. Zhambalova*¹

¹ Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS
(6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Leading Research Associate

 0000-0002-2672-8126. E-mail: zhambalovas@yandex.ru

© KalmSC RAS, 2021

© Zhambalova S. G., 2021

Abstract. Introduction. The article deals with The Atlas of Tibetan Medicine and examines a history of its studies at the Buryat Institute of Social Sciences from new perspectives. Goals. To facilitate this, the work aims to 1) examine a history of the Buryat copy and attempt its attribution, 2) investigate the Orientalist P. B. Baldanzhapov's personal contribution to the exploration and preservation of the monument, and 3) identify specific features of cultural interaction in the cross-border Buddhist region of Russia and Tibet. *Materials and methods.* The article analyzes archival and literary documents, field records, and electronic sources. It uses modern methods of historical science, including the concept of 'intellectual biography'. Therein, intelligence is understood as a psychological aspect, a quality of personality that takes its complete shape on the basis of moral principles. *Results.* The Atlas of Tibetan Medicine is a corpus of illustrations to Vaidurya sNgon-po (Tib. 'Blue Beryl'), a commentary to rGyud-bZhi ('Four Tantras'). Its excellent copy dated to the late 19th and early 20th centuries was once owned by Buryat datsans (monasteries), and since 1936 has been stored at the National Museum of Buryatia. The study of the forgotten monument was initiated by Baldanzhapov in 1968 when he organized a scientific department at the Buryat Institute of Social Sciences, and the research team included both secular and clerical scholars, i. e. previously repressed Buryat Buddhist monks with expertise in Tibetan, philosophy, and medicine. Notably, the work on the study and preservation of the monument had a moral, ethical significance to Baldanzhapov psychologically motivated as an intellectual shaped by the Buddhist milieu and Buddhist teachers. Being an Orientalist scholar at an academic institution, he had the resources and opportunities to fulfill his mission and — in an atheist state — return monuments of Buddhist culture to the world. *Conclusions.* The authentic materials analyzed attest to that the active processes of cultural interaction in the Buddhist cross-border region of Russia and Tibet resulted in that The Atlas of Tibetan Medicine and other valuable monuments were delivered to Buryatia. The paper also stresses a uniqueness of the monument and shows the invaluable personal contribution of the prominent Orientalist Baldanzhapov to its study and preservation.

Keywords: intellectual biography, P. B. Baldanzhapov, orientalist, intellectual, initiator, study, preservation, Atlas of Tibetan Medicine, medieval monument of Tibet, Buddhist sacred treasures of Russia, Buddhist lamas

Acknowledgements. The reported study was funded by government assignment, project no. 121031000243-5 ‘Russia and Inner Asia: Dynamics of Geopolitical, Socioeconomic, and Cross-Cultural Interaction, 17th–21st Centuries’.

For citation: Zhambalova S. G. The Atlas of Tibetan Medicine and Purbo B. Baldanzhapov’s Contribution to Its Study and Preservation. *Mongolian Studies (Elista)*. 2021; 13(4): 642–660. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2021-4-642-660

Введение

Уникальным культурным наследием Тибета является «Атлас тибетской медицины» (далее — АТМ), с одной стороны, имеющий непосредственное отношение к тибетской медицине, а с другой стороны, в настоящее время являющийся самостоятельным выдающимся памятником культуры, одна из редких наиболее известных в мире копий которого хранится в Республике Бурятия Российской Федерации. Наличие в России тибетского памятника «Атлас тибетской медицины», его изучение и сохранение как выдающегося памятника человечества свидетельствует о взаимодействии и взаимопроникновении культур в трансграничном пространстве, что является актуальной проблемой современной науки.

Актуальность статьи также обусловлена востребованностью в современном мире буддийской культуры и тибетской медицины. Д. В. Аюшеева выявила две тенденции в развитии тибетской медицины: практическое применение ее отдельных методов и целостный подход к тибетской традиции врачевания как части тибетского буддизма. Она пишет, что, соприкасаясь с тибетской медициной, многие люди открывают для себя тибетскую культуру и буддийское мировоззрение [[Аюшеева 2014a](#)]. Тибетская медицина, основная система знаний по поддержанию здоровья у буддистов России, как и многие другие элементы буддийской культуры, усиливала интерес образованного общества к загадочному Востоку [[Суворов 2014: 216–217](#)].

Актуализирует статью то, что тибетское традиционное искусство, включающее в себя широкий круг памятников, недостаточно изучено из-за необратимых историко-политических перемен в жизни Тибета и в связи с эзотерическим характером искусства [[Курасов 2014: 1](#)]. В конце XX в. в связи с выставкой копии «Атласа тибетской медицины» за рубежом в российском обществе произошел всплеск интереса к его судьбе, со временем постепенно ослабевший, поэтому актуально с новых позиций рассмотреть данную тему.

Цель статьи — исследование истории изучения «Атласа тибетской медицины» в Бурятском институте общественных наук (далее — БИОН) Бурятского филиала СО АН СССР (далее — БФ СО АН СССР). Ее реализация предусматривает решение трех задач: продемонстрировать уникальность исследуемого памятника; выявить масштаб и факторы личного вклада П. Б. Балданжапова в его изучение и сохранение; выявить нюансы культурного взаимодействия в трансграничном буддийском регионе России и Тибета.

«Атласу тибетской медицины» посвящены исследования, выполненные на высоком профессиональном уровне советско-российскими востоковедами-тибетологами В. С. Дылыковой-Парфионович [[Дылыкова-Парфионович 1994](#)],

Н. Д. Болсохоевой [Болсохоева 1994], Д. Б. Дашиевым [Дашиев 1994], К. М. Герасимовой [Герасимова 1994], искусствоведом Т. В. Сергеевой [Сергеева 1994] и др. Творческому пути известного востоковеда и источниковеда П. Б. Балданжапова (1921–1991) посвящено немало статей, поскольку он был организатором ряда научных направлений (монгольское источниковедение и историография Монголии, источниковедение индо-тибето-монгольской медицины, изучение «Ганжура» и «Данжура» и др.). Его деятельность во всех этих сферах отражена в статьях Ш. Б. Чимитдоржиева [Чимитдоржиев 2001], Ц. П. Ванчиковой [Ванчикова 2000], В. А. Василенко [Василенко 2012; Василенко 2013], М. И. Гомбоевой [Гомбоева 2009], Ю. Ж. Жабон [Жабон 1996], М. В. Аюшеевой [Аюшеева 2014б], С. В. Бураевой и М. В. Аюшеевой [Бураева, Аюшеева 2011] и др. Его работа по организации изучения «Атласа тибетской медицины» рассмотрена в основном в публикациях, посвященных данному памятнику [Жамбалова 1997; Жуковская 2013]. Как видно из этого неполного перечня работ об ученом, статей, посвященных разноплановой востоковедной деятельности, достаточно. Однако в настоящее время нет публикации, специально посвященной вкладу П. Б. Балданжапова в изучение и сохранение «Атласа тибетской медицины».

Материалы и методы

Фрагменты статьи, посвященные «Атласу тибетской медицины», написаны с использованием исторических методов исследования на литературных, полевых и электронных источниках. Интеллектуальная биография П. Б. Балданжапова в рамках новых биографических исследований рассматривается на архивных документах из Центра восточных рукописей и ксилографов (далее — ЦВРК) Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (далее — ИМБТ СО РАН), литературных, публицистических источниках и полевых материалах. Полевые материалы были записаны у информантов в 1996–1997 гг. и в 2021 г., они не архивированы и поэтому не имеют выходных данных. Часть из них опубликована [Жамбалова 1997]. В используемом в данной статье концепте «интеллектуальная биография» раскрывается механизм возникновения новых идей, разработка теорий, концепций, методов, анализируется мотивация научной деятельности ученого [Попова 2017: 47]. Интеллигентность в статье понимается не столько как определение принадлежности к определенному социальному слою, а как психологическое свойство человека, как качество личности, которое формируется на основе ее моральной направленности.

История появления «Атласа тибетской медицины» в Бурятии

Известно, что российская буддология формировалась в целях изучения религии и культуры коренных народов страны, практикующих буддизм, а также для исследования истории и культуры трансграничных государств — Китая, Тибета и Монголии. В рамках этих исследований немалое место отводилось изучению культурного взаимодействия буддийских народов России и Тибета, осуществляемого буддийскими монахами под эгидой буддийских монастырей. Памятники буддийской культуры и искусства России, в том числе в Бурятии, нередко попадавшие из вышеуказанных стран, становились достоверной источниковой базой активного развития российской/советской востоковедной науки.

Д. Б. Бадлаева отмечала, что в 1930-е гг. научные и музейные работники, энтузиасты своего дела, собирали по всей Бурятии и Забайкалью культовые

православные и буддийские предметы в краеведческий музей. Несмотря на трудности, на машинах, лошадях, а порой и на себе они вывозили из-под обломков церквей и монастырей все, что могли, и складировали в здании Одигитриевского собора на втором и третьем этажах и в его сараях и бараках. Предметы хранились в сундуках, ящиках, поставленных друг на друга, в неприиспособленных шкафах. На первом этаже был открыт Антирелигиозный музей [Бадлаева 1993: 9–10].

Антирелигиозный музей в 1941 г. был объединен с Центральным Бурят-Монгольским музеем, переименованным в 1946 г. в Бурятский республиканский краеведческий музей БМАССР. Позднее от него отпочковался Музей Бурятии им. М. Н. Хангалова, где в настоящее время наряду с огромной коллекцией других буддийских предметов хранится «Атлас тибетской медицины». Несмотря на то, что он является копией, в Бурятии, да и в России он воспринимается как ценнейший уникальный памятник буддийской средневековой культуры Тибета. Раритет дал новый импульс развитию российского востоковедения и тибетской медицины на новом уровне.

«Атлас тибетской медицины» — это свод иллюстраций к трактату Вайдурья-онбо («Голубой берилл»), комментария к основному медицинскому труду «Чжуд-ши» («Четыре тантры») XII в. Одна из копий уникального памятника, достояние бурятских дацанов, с 1936 г. хранится в Музее истории Бурятии им. М. Н. Хангалова, ныне входящего в состав Национального музея Республики Бурятия. Как и другие многочисленные ценные памятники буддийского искусства Бурятии, как завезенные из сопредельных буддийских стран, так и выполненные бурятскими ламами-художниками, в музей он попал в результате атеистической кампании и закрытия буддийских дацанов в республике. Копия написана на 76 листах форматом 65x88 см на тонком льняном полотне фабричного производства, свидетельствующем о позднем времени его создания — в конце XIX – начале XX в. Он написан в традициях средневековой тибетской станковой живописи — *танка*, создаваемых в соответствии с узаконенными буддизмом правилами, по регламентированной технике живописи [Сергеева 1994: 44]. «Икона» на полотне, *танка* — наиболее характерный, популярный и специфический жанр живописи Тибета. Выполнялась клеевыми красками на хлопчатобумажной ткани, предварительно загрунтованной смесью из мела и животного клея. По происхождению *танка* восходят к индийским ритуальным изображениям на ткани, по форме тяготеют к квадрату, двойному квадрату, прямоугольнику; зарисованная поверхность называется «зеркало» (тиб. *мелонг*) [Курасов 2012: 12].

Оригинальный комплект свода иллюстраций создавался под руководством выдающегося ученого-энциклопедиста и главы исполнительной власти Тибета деси Сангье Гьятцо (1653–1705) на протяжении многих лет с 1687 по 1705 гг. общими усилиями тибетских медиков и профессиональных художников. Подлинник хранился в коллекции Тибетского государственного медицинского колледжа Чагпори, который был разрушен в годы культурной революции в КНР (на его месте построена телебашня) [Болсохоева 2006: 180–181]. Есть информация из открытых источников 2019 г. о том, что подлинник находится в Лхасе, в резиденции Далай-ламы в Тибете. Он недоступен для европейцев и никогда

не покидал пределов страны¹. Как отмечал С. В. Курасов: «сохранившиеся памятники, вследствие политики китайских властей в отношении въезда в Тибет и перемещения по стране, малодоступны исследователям-искусствоведам...» [Курасов 2014: 1]. Из-за невозможности показа оригинала и научного изучения ценность копии, хранящейся в России, достаточно высока.

Н. Л. Жуковская отмечала, что очень немногие знают о том, что оригинал «Атласа тибетской медицины» цел и не погиб во время китайских погромов в Тибете в 1960–1970 гг. Она пишет: «Я знаю лишь одного человека в России, который не только видел, но и держал в руках листы тибетского оригинала АТМ, находясь в 1991 г. в Лхасе в научной командировке по приглашению директора тибетского Центра медицины и астрологии, — это Н. Д. Болсохоева» [Жуковская 2013: 96].

Как отмечала Н. Д. Болсохоева, проведенный ею сравнительный анализ копии с оригиналом показал ее полную идентичность содержанию комплекта, созданного при жизни автора трактата «Вайдурья-онбо». Исключение составляют листы 6 и 7, после которых нумерация идентичных листов по содержанию не совпадает. Исследование позволило ей прийти к выводу, что свод иллюстраций, хранящийся в фондах музея в Улан-Удэ, «является копией, довольно полно отражающей содержание оригинала, комплектация которого была осуществлена в конце XVII века» [Болсохоева 1994: 30].

«Атлас тибетской медицины» из коллекции Музея истории Бурятии является уникальным памятником мирового значения. 22 апреля 2003 г. решением Буддийской традиционной Сангхи России он утвержден в качестве буддийской святыни России². О высокой ценности средневекового памятника писала К. М. Герасимова: «Свод иллюстраций к трактату „Голубой берилл“ можно назвать энциклопедией жизни Тибета. <...> Перед нами не только памятник средневековой культуры тибетского общества, но также универсальный источник сведений о Тибете <...> Эта тематическая универсальность объясняется <...> спецификой тибетской медицины, которая была наукой о жизни, воспринимавшей человека во всех природных и социальных связях, а также особенностями языка средневековой научной иллюстрации, соотношением текста медицинского трактата и его образного выражения в иллюстрациях» [Герасимова 1994: 41].

Рассматриваемая копия бесценного памятника представляет собой, как уже отмечалось, комплект из 76 уникальных листов, где воспроизведено около 10 тыс. рисунков: на каждом листе находится от 3 до 100 иллюстраций. Каждый рисунок подписан на тибетском языке. В результате целенаправленных действий бурятских буддийских священнослужителей, лам в конце XIX – начале XX в. он попал в Россию в бурятский Цугольский дацан Забайкалья, а затем при участии Агвана Доржиева был передан в Ацагатский дацан Бурятии [Бадлаева 1993: 10]. Долгое время существовала единственная версия его попадания на северную окраину буддийской ойкумены. Считалось, что ее привез в Цугольский дацан бурятский эмчи-лама Ширав Сунуев (1860–1930 гг.), более 10 лет изучавший

¹ Степанова З. «История одного предмета»: Атлас тибетской медицины [электронный ресурс] // URL: <https://arigus.tv/news/item/126611/> (дата обращения: 07.10.2021).

² Бальжурова А. О создании и истории Атласа тибетской медицины [электронный ресурс] // URL: <https://gordburiatia.ru/religiya/435-o-sozdanii-i-istorii-atlasa-tibetskoy-mediciny.html> (дата обращения: 07.10.2021).

медицину в тибетском монастыре в Восточном Тибете. Об этом вспоминали в 1970-е гг. его ученики, семидесятилетние ламы Нима Базаров, Даши Цыбигмитов и Балдан Дашиев. Они рассказывали, что в Тибете Шираб Сунуев заказал за деньги копии с оригинала «Атласа тибетской медицины». Он привез их в Бурятию и подарил Цугольскому дацану, где находился медицинский факультет. Картины хранились там до 1926 г. [Балданжапов 1982: 15]. Нет оснований не доверять этой достоверной информации из первоисточника. Существует также версия о том, что копия была подарена ему в Тибете [ЦВРК. Ф. БА. № 29. Оп. 1. Д. 194. Л. 17].

В конце XX в. распространилась другая версия, согласно которой главная роль в приобретении памятника принадлежит Агвану Доржиеву. Ахалар-лама Данзан-Хайбзун Самаев (1954–2005), деятель тибетского буддизма в России, в свое время предоставил информацию о том, что цаннид-хамбо лхарамба Агван Доржиев во время своего пребывания в Тибете «... с большим трудом и дорогой ценой приобрел в Лхасе ценнейший памятник тибетской медицины и переправил его с надежными людьми в Бурятию» [Жамбалова 1997: 6]. При этом он делал ссылку на письмо профессора С. Д. Дылыкова от 25 сентября 1992 г. [Жамбалова 1997: 6]. По всей видимости, этим надежным человеком был Шираб Сунуев, доставивший памятник в Цугольский дацан. Жизнь бурятских лам, обучавшихся в Тибете, была суровой, что усугублялось сложной международной обстановкой. Вряд ли рядовой эмчи-лама Шираб Сунуев смог заказать и выкупить качественную копию уникального свода иллюстраций. В 2006 г. версия о том, что Агван Доржиев является заказчиком, поддержана Н. Д. Болсохоевой. Она пишет, что трудоемкая работа по копированию «Атласа тибетской медицины», по всей видимости, выполнялась по его инициативе и под его руководством, что копии сводов создавались кропотливым трудом профессиональных коллективов в течение нескольких лет [Болсохоева 2006: 180]. Впоследствии версия поддержана Н. Л. Жуковской [Жуковская 2013].

Сразу по прибытии в Забайкалье ценная копия хранилась в Цугольском дацане, где находился первый и престижный медицинский факультет Бурятии, открытый в 1869 г. Он работал по «Внутреннему уставу Цугольского манба дацана», составленному на тибетском языке в 1862 г. по образцу Устава медицинской школы Лаврана (Тибет). Позже другие медицинские факультеты Забайкалья следовали программе обучения Цугольской школы. В нее входило заучивание наизусть канона «Чжуд-Ши», слушание наставлений и объяснений учителя по этому тексту. После усвоения теоретического материала приступали к практическим занятиям, основными из которых являлись диагностика, поиск лекарственного сырья и изготовление лекарств [Аюшеева 2007: 11–12].

В 1926 г. настоятель Цугольского дацана лама Норбоев по просьбе цаннид-хамбо лхарамбы Агвана Доржиева передал комплект в Ацагатский дацан, где также функционировал медицинский факультет [Балданжапов 1982: 15]. Эта передача, вероятно, была обусловлена историческими событиями — ужесточением государственной политики СССР в отношении религии и церкви. Атеистическая борьба с буддийскими священнослужителями, в том числе с практикующими тибетскую медицину, была одним из основных направлений внутренней политики советской власти в Бурятии того времени. А тибетская медицина являлась сильнейшим оружием в руках лам: из-за нехватки меди-

цинских работников власти по объективным причинам сразу не могли запретить их практику, зато обложили большим налогом и всячески притесняли. Л. В. Аюшеева пишет: «Новые политические условия привели к масштабным процессам адаптации — реформе института тибетской медицины. Буддийское духовенство предприняло попытку сохранения тибетской медицины путем полного вывода ее из конфессии. В 1926 г. был создан Центральный комитет медиков, который подчинялся республиканскому Наркомздраву (НКЗ). Резиденция его разместилась при Ацагатском медицинском монастыре, который перестал обслуживать религиозные нужды и был официально зарегистрирован как медицинская школа» [Аюшеева 2007: 14]. В 1931 г. ЦИК Бурят-Монгольской АССР (далее — БМАССР) сообщает: «...никакого отклонения в борьбе с тибетской медициной и нарушения приложенной по этому вопросу директивы центральных органов власти не было. Этому свидетельствует существующая по настоящее время школа тибетской медицины и недавно построенная больница при Ацагатском дацане в Хоринском аймаке, руководимая тибетскими медиками. Тибетская медицина в Бурреспублике существует совершенно свободно и никаких репрессивных мер по борьбе с ней не ведется. Метод борьбы с тибетской медициной — это противопоставление научной медицине путем открытия новых больниц и врачебных пунктов» [Номогоева 2009: 285]. Несмотря на громадные усилия Агвана Доржиева и других лам, сохранить школу и лечебницу при Ацагатском дацане не удалось. Она была закрыта. В апреле 1936 г. выходит постановление ЦИК и СНК БМАССР «О воспреещении лечения населения методом тибетской медицины» [Номогоева 2009: 286].

Несмотря на это обстоятельство, Ацагатский дацан относительно долгое время был более надежным местом хранения «Атласа тибетской медицины». Это, безусловно, было основной причиной передачи свода иллюстраций из одного бурятского дацана в другой. Политическая ситуация в России после Октябрьской революции, вероятно, подтолкнула Агвана Доржиева к тому, чтобы запросить «Атлас тибетской медицины» из Цугольского дацана и передать в Ацагатский, так как он искал пути сохранения этого редчайшего памятника. Хотя в 1930-е гг. он жил при буддийском храме в Санкт-Петербурге, связь его с Ацагатским дацаном была очень тесной, а авторитет — высоким [Жамбалова 1997: 7]. В 1934 г. Агван Доржиев в докладной во ВЦИК СССР сообщает о том, что идет «варварское уничтожение литературных памятников, которые без разбора сжигаются, бросаются в воду, употребляются в качестве папиросной бумаги и т. п.» [Номогоева 2009: 286]. Он также отмечал, что вместе с дацанской литературой уничтожаются типографские доски для печатания ксилографических изданий, ценные медикаменты индо-тибетского, монгольского происхождения» [Номогоева 2009: 286].

В это сложное время «Атлас тибетской медицины» сохранился благодаря деятельности людей, знавших его настоящую ценность. Ответственный инструктор Союза воинствующих безбожников Ж. Ж. Жабон уговорил ламу, имя которого не известно, тайно сохранившего памятник в эти тяжелые годы, сдать его на хранение в музей. Он попал туда в 1936 г. в хорошей сохранности. Благодаря усилиям Ж. Ж. Жабона попали в музей и сохранились, помимо «Атласа тибетской медицины», такие уникальные памятники, как комплекты Ганджура и Данджура из Ацагатского дацана, скульптуры Зандан Жуу и Чой-

жал, пятиметровая аппликация Будды Шакьямуни из Эгитуйского дацана, огромная скульптура Майдари из Анинского дацана и многое другое. В начале 1990-х гг. переданы из музея в Эгитуйский дацан скульптура Зандан Жуу, а в Иволгинский — скульптура Майдари [Жамбалова 1997: 21]. Также огромная заслуга в сохранении православных и буддийских культовых ценностей принадлежит А. И. Герасимовой, директору Антирелигиозного музея, Г. Д. Нацову, В. Н. Кочетову, Б. Э. Эрдынееву и многим другим, имена которых не сохранились [Бадлаева 1993: 9].

П. Б. Балданжапов и история изучения «Атласа тибетской медицины»

«Атлас тибетской медицины» попал на северную окраину буддийской ойкумены благодаря усилиям бурятских буддийских священнослужителей, обучавшихся в тибетских монастырях и постоянно практиковавших приобретение уникальных культовых памятников для дацанов нередко за счет средств, целенаправленно собранных у мирян.

В конце XIX – начале XX вв. свод иллюстраций находился последовательно в двух дацанах с медицинскими факультетами — Цугольском и Ацагатском. П. Б. Балданжапов родился и жил рядом с Цугольским дацаном, поэтому с детских лет знал о его уникальности. До поступления в школу в течение одного года он прожил с дядей, родным братом отца — эмчи-ламой Цугольского дацана Нимой Базаровым. Впоследствии дядю как буддийского священнослужителя репрессировали. После тюрьмы и ссылки он был лишен права легального проживания в родном поселении в Агинском округе, поэтому тайком ютился на удаленной ферме, по ночам навещая родственников. Когда в 1946 г. он, уже пожилой человек, серьезно заболел, сестра обязана была увезти его, уже не принимавшего пищу, к месту приписки в с. Романовка Еравнинского района. Там она вынужденно оставила его одного умирать. Это значительное расстояние из Могойтуя Агинского округа они проделали верхом, так как ему опасно было ехать общественным транспортом. Эмчи-лама Нима Базаров многое рассказывал племяннику о религии, об истории дацана, в том числе о своде иллюстраций. Его рассказы П. Б. Балданжапов запомнил, он также как очевидец прекрасно помнил многое другое из истории и имущества Цугольского и Агинского дацанов, рядом с которым он жил во время обучения в школе. В 1967 г. во время работы в БФ СО АН СССР он познакомился с Ж. Ж. Жабомом, главным хранителем музея, где хранился раритет. Тогда он загорелся идеей перевести, изучить и подготовить его к изданию, со слов Д. Д. Дарижаповой, «из чувства глубокого почитания лам и светлой их памяти» [Жамбалова 1997: 28–29].

Думается, что трагическая история эмчи-ламы Нимы Базарова, с которым он был кровно и духовно близок, стала событием, окончательно определившим пограничное состояние П. Б. Балданжапова. Еще в молодые годы, будучи советским патриотом, он стал человеком с особым психологическим типом личности, характерным для кризисных периодов истории. М. Ю. Лотман ввел очень важное понятие интеллигентности как психологического свойства человека¹. Несмотря на то, что П. Б. Балданжапов относился к категории советских

¹ Лотман М. Ю. Беседы о русской культуре [электронный ресурс] // URL: <http://torfilm.ru> | 1998 | yu_m_lotman_besedi_o_russkoy_kulture_1998.html; [video.mail.ru | curella](http://video.mail.ru/curella) | 317 | [www.tvkultura.ru | page.html](http://www.tvkultura.ru/page.html) (дата обращения: 29.04.2012)

интеллигентов как социального слоя, он был интеллигентом и в новом, более глубинном понимании слова. Современные исследователи, в отличие от советских, под «интеллигенцией» подразумевают общественную группу людей, обладающих критическим способом мышления, высокой степенью рефлексии, способностью к систематизации знаний и опыта. Данная дефиниция, не популярная в советское время, получает новое широкое развитие с конца 1980-х гг. Ю. А. Левада пишет: «Это не только группа образованных людей, но некая общность, видящая смысл своего существования в том, чтобы нести плоды образованности (культуры, просвещения, политического сознания и пр.) в народ и уподобляющая эту задачу священной (по меньшей мере, культурно-исторической) миссии...» [Левада 1989: 128].

Значительная роль П. Б. Балданжапова в изучении «Атласа тибетской медицины» и других памятников восточной и буддийской культуры определяется тем, что он в атеистическом государстве поставил себе цель, которую в тех условиях можно приравнять к культурно-исторической миссии, вырвать из забвения буддийские сокровища, воздать им должное, сделать их достоянием народа и науки. Поэтому стал инициатором, организатором и исполнителем данной научной темы, в то время неактуальной, несвоевременной и непрестижной для карьеры. Как человек, выросший в среде практикующих буддистов-мирян, которых в годы его становления в Забайкалье было достаточно много, он в полной мере осознавал важность научной темы исследования, ее этическое, нравственное значение, четко знал ее цель и задачи.

В бурятском социуме на протяжении всего советского и постсоветского времени всегда были такие люди. В XXI в. выявлено наличие сельской интеллигенции нового формата, не совпадающего с советской типологией. В данную социальную прослойку введен круг людей, ранее не входивших в него: буддисты-миряне, не имеющие стандартного высшего образования, а также специального буддийского. Их мировоззрение складывалось путем межпоколенной трансляции традиций от знающих стариков заинтересованным молодым людям. Эта ситуация характерна для кризисных периодов истории, а трансляция знаний происходит как в устной форме, так и на буддийских книгах старомонгольской письменности. Это люди с особым психологическим типом личности, сложившимся в результате малых пограничных состояний. Такой тип мужчин и женщин распространен по всей Бурятии, но их немного. Их задача — возрождение элементов традиционной культуры, в том числе религиозности как основы выживания этноса в глобальном мире [Жамбалова 2018: 286–287].

П. Б. Балданжапов располагал ресурсами, предоставляющими ему огромные возможности для претворения цели в жизнь. Вся линия его жизни была выстроена так, что он должен был принять на себя эту ношу. Ц. П. Ванчикова о своем отце рассказала, что в автобиографии он писал, что родился в 1921 г. в Цаган-Ольском сомоне Агинского аймака Читинской области. Считалось, что отец умер до его рождения. Мама умерла после тяжелой болезни в то время, когда в 1941 г. он заканчивал обучение в Агинской средней школе. Как помнит дочь по рассказам мамы и тети Пильжит, его старшей сестры, бывшей старше его на 20 лет, отцом П. Б. Балданжапова был известный нештатный лама-тантрист Цугольского дацана Балданжаб, эмигрировавший с ламами в Шэнэхэн.

По всей видимости, по этой причине для официальных властей существовала версия об умершем отце. В то время сокрытие определенных биографических данных нередко практиковалось по всей стране.

Ц. П. Ванчикова в 2021 г. рассказала: «После смерти матери его воспитывала и помогала ему по жизни старшая сестра Пильжит. Скорее всего, он жил в семье сестры, а во время учебы, возможно, в общежитии. И, конечно, с детства он рос в буддистской среде, рядом с Цугольским и Агинским дацанами, в Аге, где все пропитано буддистским духом и традициями. Его дядя был известным эмчи-ламой Цугольского дацана. В семье хранится его фото. Он был репрессирован, после этого он не имел права возвращаться на родину. Он тайком встречался с папой и бывал у нас и тогда, когда папа был в Чите. А потом пропал без вести. Был реабилитирован. У мамы была небольшая статья про него. Папа, думаю, начал учиться старомонгольской письменности еще в детстве, так как тогда еще использовалась классическая монгольская письменность, которая официально была заменена сначала на латинский, а позже на кириллический» [ПМА: Ванчикова Ц. П., 2021 г.].

Заслуживает особого внимания послужной список П. Б. Балданжапова. С сентября 1941 по ноябрь 1942 г. он работал учителем истории в Зугалайской семилетней школе Агинского округа. В ноябре 1942 г. был призван в ряды Советской армии, в апреле 1943 г. был уволен из армии по состоянию здоровья. С 1943 по 1946 гг. работал преподавателем, завучем и директором Зугалайской школы. В 1949 г. с отличием закончил исторический факультет Иркутского государственного университета. После работал директором Агинской средней школы № 1, с августа 1951 г. был заведующим Агинским окружным отделом народного образования. В сентябре 1953 г. поступил в аспирантуру Института востоковедения АН СССР по специальности «История Монголии» и в 1956 г. защитил диссертацию по теме «Монгольская летопись „Эрдэни-ийнэрикэ“ как исторический источник». Его научным руководителем был выдающийся ученый-монголовед и буддийский деятель С. Д. Дылыков (1912–1999). С июля 1956 г. работал проректором Кызыльского педагогического института. В 1957 г. был принят по конкурсу на должность декана историко-филологического факультета Читинского педагогического института. Начиная с июля 1959 г. вся его жизнь была связана с БИОН [Гомбоева 2009: 78]. В 1974 г. в 53 года он ушел на пенсию в связи с болезнью.

Творческая деятельность П. Б. Балданжапова осуществлялась на социокультурном фоне, не очень благоприятном для глубокого изучения религиозной тематики, тем более в периферийном регионе. Однако его самосознание, унаследованные культурные традиции, обычаи, представления, личный интерес и целеполагание позволили в наиболее возможной степени из-за отпущенного ему короткого времени научной деятельности осуществить поставленные им цель и задачи. Все решенные им научные проблемы были его личным выбором и инициативой, они были поддержаны в БИОН. Он вполне использовал полный спектр возможностей, которыми располагал, благодаря семейному окружению, воспитанию, образованию, среде. Не случайно создание коллектива по изучению индо-тибетской медицины, в том числе «Атласа тибетской медицины», состоялось в конце так называемых «шестидесятых», периода, границы которого

трактуются более широко: в него часто включают начало семидесятых, а также иногда конец пятидесятых. 1960-е гг. — время радикальных, новых открытий и тенденций, которые продолжили развиваться до конца 1990-х гг. П. Б. Балданжапов в полной мере использовал это время.

В 1969 г. в Москве в Государственном музее искусств народов Востока состоялась выставка «Традиционное искусство Бурятии XVIII–XX вв.», где впервые были показаны музейные предметы из Бурятского республиканского краеведческого музея им. М. Н. Хангалова (впоследствии — Музей истории Бурятии). Кроме этнографических предметов, были представлены изъятые в 1930-е гг. из бурятских дацанов предметы буддийского искусства: живопись (танка), аппликация, скульптура, в том числе уникальные работы Санжи-Цыбик Цыбикова (1877–1935 гг.), маски мистерии Цам, декоративная резьба по дереву. Были изданы набор открыток и каталог, составителями которого были Д. Б. Бадлаева и К. М. Герасимова [*Искусство Бурятии XVIII–XIX веков 1970*]. Безусловно, подготовка выставки заняла определенное время и была начата за несколько лет до его открытия. С середины 1960-х гг. буддийское искусство в Бурятии, можно утверждать, становится легальным. «Атлас тибетской медицины» тогда не экспонировали. Но с тех пор начинается активное его изучение с целью перевода и издания. Это был целый ряд мероприятий. Друг за другом с разрывом в несколько лет в БИОН организуются научные группы и редколлегии.

В СССР тибетскую медицину начали изучать в 1930-е гг. Ацагатская медицинская школа при Ацагатском дацане стала основной базой научных экспедиций Ботанического института АН СССР, Ленинградского Всесоюзного института экспериментальной медицины (ВИЭМ), которые изучали лекарственное сырье тибетской медицины (1931–1934 гг.). Однако сотрудничество школы с учеными ускорило процесс ее ликвидации, так как это мешало борьбе с «ламством» в республике [*Аюшеева 2007: 14*].

В 1935 г. в Ленинграде была организована группа, в которой работали академик Ф. И. Щербатский, В. И. Алексеев, Н. Н. Бадмаев, А. М. Востриков, А. Ф. Гаммерман и др. Ими были проведены экспедиции в Забайкалье и Монголию. В результате этой большой работы под эгидой Бурятского комплексного научно-исследовательского института опубликован словарь тибето-латино-русских названий лекарственного сырья, применяемого в тибетской медицине. Это были только первые шаги. Н. Л. Жуковская отмечает: «В те годы тибетская медицина и все, кто был причастен к ее изучению, переводу источников, сбору лекарственных трав с трудом доказывали свое право на место под солнцем. <...> До положительных перемен было еще очень далеко» [*Жуковская 2013: 94*].

Ц. П. Ванчикова и О. С. Ринчинова пишут, что академическое изучение наследия индо-тибетской медицины было начато в 1966 г., когда на базе Бурятского комплексного научно-исследовательского института СО АН СССР (БКНИИ) был создан Бурятский филиал (БФ) СО АН СССР с двумя институтами: Бурятский институт общественных наук (БИОН) и Бурятский институт естественных наук (БИЕН). Тогда же по инициативе П. Б. Балданжапова были начаты работы по созданию Отдела источниковедения индо-тибетской медицины: написаны обоснования актуальности и перспективности нового направления, многочисленные представления и докладные в вышестоящие организации, проводились

подбор кадров, согласование планово-финансовых расходов. В результате в 1968 г. в БИОН на основании постановления Правительства СССР начал работу этот отдел во главе с заведующим, кандидатом исторических наук П. Б. Балданжаповым. Вместе с ним работали врачи Б. Б. Батуев, Э. Г. Базарон, К. В. Ракшаин, ботаник Т. А. Асеева, востоковед Б.-Д. Б. Бадараев и др. За короткое время ими был осуществлен ряд переводов, в том числе «Атласа тибетской медицины» [Ванчикова, Ринчинова 2016: 233].

По настоятельной просьбе П. Б. Балданжапова в группе работали бывшие эмчи-ламы, отбывшие к тому времени тюремные сроки и ссылки. Неоднократно он пишет в официальные органы о том, что сложная работа над «Атласом тибетской медицины» требует знатоков тибетского языка, философии и медицины, и просит разрешения на участие в этой работе дид-хамбо ламы Жимба-Жамсо Эрдынеева, гэлун-ламы Жимба-Жамсо Цыбенова и других. При этом он ссылается на существующий мировой опыт привлечения духовных лиц Тибета к подобной работе, например, в Америке [ЦВРК. Ф. БА. № 29. Оп. 1. Д. 104. Л. 17–18].

В группе П. Б. Балданжапова с 1968 г. над «Атласом тибетской медицины» и другими медицинскими письменными источниками работали штатными младшими научными сотрудниками БФ СО АН СССР следующие ламы: Даши-Нима Бадмаев, Гымпыл Гомбожапов, Бидия Дандарон, Бато-Мунко Дашиев, Донир Дашиев, Зундэ Жапов, Готоп Ринчинов, Жимба-Жамсо Цыбенов, Даша Цыбикжапов, Лодой Ямпиров. По устной информации Д. Д. Дарижаповой, супруги П. Б. Балданжапова, часто приезжали и бесплатно помогали, консультировали лучшие знатоки тибетского языка и тибетских источников Жундуй-лама, бывший в то время чабаном в колхозе, хамбо-лама ЦДУБ СССР Жимба-Жамсо Эрдынеев и другие. Важно отметить, что ламы принимали участие в исследовании других буддийских памятников. В подготовке работы «Памятники эстетической мысли Востока. Тибетский канон пропорций» К. М. Герасимова опиралась на знания бурятских лам, работавших в БИОН: перевод трактатов с тибетского языка потребовал расшифровки специфической терминологии, относящейся к анатомии, антропометрии, иконометрии, геометрии, композиции и эстетическим категориям [Ободоева 2015: 110]. Безусловно, они консультировали и принимали непосредственное участие в реализации многих научных тем института.

В эту группу устроился водителем известный ныне эмчи-лама Чимит-Доржи Дугаров. Сюда его привела тяга к тибетской медицине, которую он, со слов Д. Д. Дарижаповой, к тому времени знал хорошо. Азы профессии он освоил в течение двух лет в с. Мухор-Кундуй Читинской области, будучи послушником эмчи-ламы Цырен-Базара Гармаева. Впоследствии по характеристике П. Б. Балданжапова, который получил за это партийное взыскание, он поступил в Буддийскую академию в г. Улан-Баторе. Так благодаря энтузиазму отдельных людей осуществлялась преемственность поколений. Д. Д. Дарижапова рассказала, что ламам на первых порах негде было жить, лама Ж.-Ж. Цыбенов в течение года проживал в их семье. Впоследствии многие ламы получили квартиры в ведомственных домах БФ СО АН СССР. Многие из них после ухода на пенсию по болезни П. Б. Балданжапова (1974 г.) недолго пробыли на этой работе. Когда началось возрождение буддизма, некоторые уехали в родные места возрождать дацаны [Жамбалова 1997: 27].

Группа П. Б. Балданжапова работала с листами «Атласа тибетской медицины», хранившимися в фондохранилище музея, в помещении своего учреждения. Для этого необходимые листы утром доставляли в отдел БФ СО АН СССР, а вечером увозили. Хранитель музея Д. Б. Бадлаева рассказывала, что в течение двух лет ей приходилось возить листы «туда-сюда». Бурятские ученые, в целях сохранности памятника, исследовали листы через кальку. В дальнейшем из этих же соображений они стали работать с фотокопиями листов. Всего в этот период местные фотографы снимали его два раза. Параллельно с этим сотрудник БФ СО АН СССР А. И. Железнов сделал художественные копии с четырех листов, сейчас они хранятся в музее. В 1970 г. группа ученых во главе с П. Б. Балданжаповым в сопровождении главного хранителя музея Ж. Ж. Жабона свозила свод иллюстраций в Москву в Академию медицинских наук для показа специалистам [Бадлаева 1993: 10].

П. Б. Балданжапов и его коллеги главной целью начальной стадии работы ставили изучение и издание «Атласа тибетской медицины». В этом их поддерживали республиканские руководители. Ученые понимали сложность работы и готовы были согласиться на издание памятника по частям в несколько этапов. Однако подготовленная в 1971 г. к печати рукопись комментированного перевода с вступительной статьей П. Б. Балданжапова не увидела свет, как писало впоследствии руководство БИОН, «по обстоятельствам, не зависящим от исполнителей» [Жамбалова 1997: 29].

Однако в атеистическом государстве не было достаточных условий для работы над «Атласом тибетской медицины» и было немало препятствий. Н. Л. Жуковская пишет: «К 1971 г. группа П. Б. Балданжапова завершила первую стадию своей работы, представив комментированный перевод АТМ. Однако далее дело не пошло. Слишком сильна была еще инерция идеологического неприятия нетрадиционных для России медицинских систем Востока: мешала глубинная связь тибетской медицины с буддизмом. Легализовать первую, не воздав должное второму, было невозможно» [Жуковская 2013: 94].

Важно отметить, что в связи с выходом П. Б. Балданжапова на пенсию по болезни в работе над памятником, как пишет Н. Л. Жуковская, «наступил вынужденный перерыв» [Жуковская 2013: 94]. Обращает внимание то, что многие ламы после болезни П. Б. Балданжапова недолго пробыли на этой работе. Но за довольно короткое время основную работу по переводу памятника они успели сделать. Это еще одно свидетельство центральной роли ученого П. Б. Балданжапова в изучении памятника. Благодаря его инициативе в Бурятии до настоящего времени изучение тибетской медицины является одним из перспективных научных тем, а «Атлас тибетской медицины» считается одним из главных ценностей, хранящихся в республике.

В 1981 г. Президиум БФ СО РАН принимает решение о подготовке «Атласа тибетской медицины» к изданию. Н. Л. Жуковская отмечает, что оно задумано как публикация не просто иллюстраций к трактату по медицине, а как выдающегося памятника культуры народов Востока [Жуковская 2013: 94]. Издание состоялось спустя многие годы, в 1994 г., в Российской Федерации [Атлас тибетской медицины 1994]. Хотя в этом издании не указано, что в какой-то мере использованы материалы, подготовленные группой

П. Б. Балданжапова, понятно, что их огромная работа заложила важную основу для последующих исследований, внесла огромный вклад в подготовку этого издания. Созданный в 1968 г. по инициативе П. Б. Балданжапова отдел в дальнейшем претерпел ряд структурных и ведомственных реорганизаций и в настоящее время преобразован в отдел биологически активных веществ в Институте общей и экспериментальной биологии СО РАН. Здесь проводится комплексное изучение опыта лам-врачевателей, изучение опыта использования природного сырья в области традиционной тибетской медицины и создание новых эффективных лекарственных средств на их основе [Ванчикова, Ринчинова 2016: 233].

Бесспорно, ученые, тесно работавшие рука об руку с ламами, начавшие изучение и перевод «Атласа тибетской медицины» с «чистого» листа, проделали огромный объем работы и заложили надежный фундамент другим коллективам для последующих исследований памятника. К сожалению, их научный подвиг теперь мало известен.

Уникальный памятник притягивал взоры крупнейших ученых мира. Они приезжали в Бурятию, чтобы увидеть его, поработать с ним и провести разведку о возможности его издания. Согласно докладной П. Б. Балданжапова руководству БИОН, французский исследователь Р. Амайон по ее инициативе два раза встречалась с ним в феврале – марте 1974 г. Предметом разговора, кроме прочих научных проблем, был вопрос издания «Атласа тибетской медицины». Р. Амайон сообщила, что издание «Атласа тибетской медицины» включено в программу ЮНЕСКО, которое выделило 3 тыс. долларов и ведет переговоры с Лейпцигским издательством в ГДР. В случае нехватки этих средств директор лаборатории восточной медицины г-н Вонг готов организовать дополнительные средства по линии различных благотворительных обществ. П. Б. Балданжапов дал на это предложение, как он пишет: «категоричный ответ, что все может решить лишь советский комитет ЮНЕСКО и его представитель в Париже т. Тюрин» [ЦВРК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 39. Л. 3–4]. Есть информация другого содержания. М. В. Аюшеева пишет, что этот крупный проект так и остался нереализованным из-за болезни П. Б. Балданжапова. В связи с изданием свода иллюстраций планировалась конференция по 720 программе ЮНЕСКО в Улан-Удэ летом 1975 г. [Аюшеева 2014б: 44].

«Атлас тибетской медицины» поступил в музей в скрученных в свиток листах и в таком виде хранился до 1968 г. в бараке или сарае музея, пока к нему не обратились ученые. Как вспоминает Д. Б. Бадлаева, в том году они вместе со служителем музея достали и открыли его листы, произвели механическую чистку щеткой и фланелью с двух сторон и занесли на второй этаж фондохранилища в Одигитриевском соборе, где в то время размещались фонды музея. Листы были все перепутаны, находились в беспорядке, не по номерам. Ламы-консультанты БИОН разложили их по порядку, определили основные листы и выделили дубликаты. Лама Донир Дашиев изготовил папки розового цвета, а в 1970 г. сделал деревянную коробку, в которой памятник возили в Москву. В 1975 г. ламы-иконописцы Ж.-Ж. Цыбенов и Б.-М. Дашиев провели обновление грунтовки, консервацию традиционными тибетскими методами [Жамбалова 1997: 43–44]. Эти мероприятия обеспечили ему сохранность на долгие годы.

Заключение

Приведенные достоверные материалы по истории изучения уникального буддийского средневекового памятника тибетской медицины «Атласа тибетской медицины» в БИОН свидетельствуют в первую очередь о том, что в буддийском трансграничном регионе России и Тибета активно протекали процессы культурного взаимодействия, осуществляемые буддийскими учреждениями и священнослужителями. Благодаря этой деятельности Бурятия располагает уникальными памятниками буддийского искусства и медицины, где одно из первых мест занимает «Атлас тибетской медицины». Изъятый из бурятского дацана, не востребованный в музее долгие годы, памятник признан буддийской святыней России благодаря культурно-исторической миссии П. Б. Балданжапова, инициатора, организатора и исполнителя его изучения и сохранения. Начало изучения памятника в БИОН в 1968 г. было своевременно и позволило оставить за собой приоритет в изучении тибетской медицины и создать известную востоковедную школу.

Информант

ПМА: Ванчикова Ц. П., г. Улан-Удэ Республики Бурятия, опрос 2021 г.

Источники

ЦВРК ИМБТ СО РАН — Центр восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН.

Sources

Center of Oriental Manuscripts and Xylographs; Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies (SB RAS).

Литература

- Атлас тибетской медицины 1994 — *Атлас тибетской медицины*. Свод иллюстраций к тибетскому медицинскому трактату XVII века «Голубой берилл» / под ред. Ю. М. Парфионовича. М.: Галарт, 1994. 592 с.
- Аюшеева 2014а — *Аюшеева Д. В.* Традиционная тибетская медицина в современном западном мире [электронный ресурс] // URL: http://www.rusnauka.com/11_NPE_2014/Philosophia/2_164765.doc.htm (дата обращения: 15.10.2021).
- Аюшеева 2007 — *Аюшеева Л. В.* Роль тибетского врачевания в отечественной медицине (XVII–XX вв.): автореф. дисс. ... канд. мед. наук. М., 2007. 24 с.
- Аюшеева 2014б — *Аюшеева М. В.* «Дорогой друг, Пурбо!» — переписка П. Б. Балданжапова (по материалам личного архива) // *Культура Центральной Азии: письменные источники*. 2014. № 8. С. 34–47.
- Бадлаева 1993 — *Бадлаева Д. Б.* Наша память // *Музей и краеведение: проблемы истории и культуры народов Бурятии*. Улан-Удэ: ТОО «Озон» при БНЦ СО РАН, 1993. С. 9–13.
- Балданжапов 1982 — *Балданжапов П. Б.* К изучению источников индо-тибетской медицины // *Материалы по изучению источников традиционной системы индо-тибетской медицины*. Новосибирск: Наука, 1982. С. 10–17.
- Болсохоева 1994 — *Болсохоева Н. Д.* Деси Сангье Гьяцо (1653–1705) и его медицинские сочинения // *Атлас тибетской медицины. Свод иллюстраций к тибетскому медицинскому трактату XVII века «Голубой берилл»*. М.: Галарт, 1994. С. 26–31.
- Болсохоева 2006 — *Болсохоева Н. Д.* Тибетские медицинские иллюстрации в системе традиционного медицинского образования бурятского этноса // *Сибирский педагогический журнал*. 2006. № 2. С. 178–183.

- Бураева, Аюшеева 2011 — *Бураева С. В., Аюшеева М. В.* Коллекции мемориального кабинета П. Б. Балданжапова // Культурное наследие и глобализация. Опыт, проблемы, перспективы сохранения культурных ценностей в современном мире : мат-лы междунар. науч.-практ. конф. (г. Сыктывкар, 21–23 сент. 2011 г.). Сыктывкар: Коми пединститут, 2011. С. 25–27.
- Ванчикова 2000 — *Ванчикова Ц. П.* П. Б. Балданжапов (1921–1991) // Культура Центральной Азии: письменные источники. 2000. № 4. С. 3–9.
- Ванчикова, Ринчинова 2016 — *Ванчикова Ц. П., Ринчинова О. С.* Проблемы развития тибетской медицины в Бурятии // Улан-Удэ — 350 лет: история, пространство, общество. Иркутск: Отгиск, 2016. С. 232–236.
- Василенко 2012 — *Василенко В. А.* Неопубликованная рукопись Пурбо Балданжапова «Тува под гнетом маньчжурских захватчиков» // Новые исследования Тувы. 2012. № 2. С. 86–108.
- Василенко 2013 — *Василенко В. А.* Оценка П. Б. Балданжаповым политики Цинского Китая в Туве в период с XVII по XIX вв. (по материалам рукописи «Тува под гнетом маньчжурских захватчиков») // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 4–2 (30). С. 34–38.
- Герасимова 1994 — *Герасимова К. М.* Памятник средневековой культуры Тибета // Атлас тибетской медицины. Свод иллюстраций к тибетскому медицинскому трактату XVII века «Голубой берилл». М.: Галарт, 1994. С. 37–43.
- Гомбоева 2009 — *Гомбоева М. И.* П. Б. Балданжапов (1921–1991) // Ученые записки Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н. Г. Чернышевского. 2009. № 3. С. 78–81.
- Дашиев 1994 — *Дашиев Д. Б.* Традиция иллюстрирования медицинских текстов в тибете и публикуемый свод иллюстраций // Атлас тибетской медицины. Свод иллюстраций к тибетскому медицинскому трактату XVII века «Голубой берилл». М.: Галарт, 1994. С. 32–36.
- Дылыкова-Парфионович 1994 — *Дылыкова-Парфионович В. С.* Трактаты «Четверокнижие» и «Голубой берилл» как научная основа публикуемого свода иллюстраций // Атлас тибетской медицины. Свод иллюстраций к тибетскому медицинскому трактату XVII века «Голубой берилл». М.: Галарт, 1994. С. 15–25.
- Жабон 1996 — *Жабон Ю. Ж.* Тибетская коллекция библиотеки П. Б. Балданжапова (1921–1991) // Культура Центральной Азии: письменные источники. 2014. № 8. С. 29–34.
- Жамбалова 1997 — *Жамбалова С. Г.* «Атлас тибетской медицины» — сокровище Бурятии. Улан-Удэ: Бурятск. кн. изд-во, 1997. 48 с.
- Жамбалова 2018 — *Жамбалова С. Г.* Современная бурятская сельская интеллигенция // Мир Большого Алтая. 2018. Т. 4. № 2. С. 276–288.
- Жуковская 2013 — *Жуковская Н. Л.* Атлас тибетской медицины на перекрестке религии и политики // О буддизме и буддистах. Статьи разных лет. 1969–2011. М.: Ориенталия, 2013. 474 с.
- Искусство Бурятии XVIII–XIX веков 1970 — Искусство Бурятии XVIII–XIX веков. М.: Упр. по печати при Совете Министров Бур АССР, 1970. 40 с.
- Курасов 2012 — *Курасов С. В.* Тибетская живопись в системе традиционного искусства. жанры и школы тибетской живописи // Декоративное искусство и предметно-пространственная среда. Вестник МГХПА. 2012. № 3. С. 3–15.
- Курасов 2014 — *Курасов С. В.* Искусство Тибета (XIX–XX вв.) как единая художественная система: иконология и язык образов: автореф. дисс. д-ра искусствоведения. М., 2014. 41 с.
- Левада 1989 — *Левада Ю. А.* Интеллигенция // 50 / 50: Опыт словаря нового мышления / под ред. М. Ферро, Ю. Афанасьева. М.: Прогресс, 1989. С. 128–131.
- Номогоева 2009 — *Номогоева В. В.* Тибетская медицина в Бурятии в контексте социальной модернизации 1920–30-х годов // Бюллетень Восточно-Сибирского науч-

**Материалы IV Международного семинара «Письменное наследие
и актуальные проблемы истории и культуры монгольских народов»,
посвященного 100-летию со дня рождения Пурбо Балдановича Балданжапова**

- ного центра Сибирского отделения Российской академии медицинских наук. 2009. № 3(67). С. 284–286.
- Ободоева 2015 — *Ободоева Б. В.* Буддийское искусство в векторе отечественной историографии // Вестник Бурятского государственного университета. 2015. № 14. С. 108–111.
- Попова 2017 — *Попова Т. Н.* В поисках Азимута или новые траектории старого «биографизма» // Профессия — историк. К юбилею Л. П. Репиной. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2017. С. 46–68.
- Сергеева 1994 — *Сергеева Т. В.* Иллюстрации к трактату «Голубой берилл» // Атлас тибетской медицины. Свод иллюстраций к тибетскому медицинскому трактату XVII века «Голубой берилл». М.: Галарт, 1994. С. 44–52.
- Суворов 2014 — *Суворов В. В.* Восточная медицина как фактор увлечения Востоком в российском обществе в конце XIX – начале XX вв. // Бюллетень медицинских интернет-конференций. 2014. Т. 4. № 3. С. 216–217.
- Чимитдоржиев 2001 — *Чимитдоржиев Ш. Б.* Пурбо Балданжапов // Выдающиеся бурятские деятели. Вып. 4. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2001. С. 29–30.

Author's Field Data

Informant: Vanchikova Ts.P., Ulan-Ude (Republic of Buryatia, Russia).

References

- Arts of Buryatia, 18th–19th Centuries. Moscow: Buryat ASSR Council of Ministers (Print Media Dept.), 1970. 40 p. (In Russ.)
- Ayusheeva D. V. Traditional Tibetan Medicine in the Contemporary Western World. Available at: http://www.rusnauka.com/11_NPE_2014/Philosophia/2_164765.doc.htm (accessed: October 15, 2021). (In Russ.)
- Ayusheeva L. V. Tibetan Medicine and Its Role in Russia's Medical Practices, 17th–20th Centuries. Cand. Sc. (medicine) thesis abstract. Moscow, 2007. 24 p. (In Russ.)
- Ayusheeva M. V. 'Dear friend, Purbo!' — P. B. Baldanzhapov's correspondence (A case study of personal archives). In: Culture of Central Asia. Written Sources. Collected papers. Vol. 8. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 2014. Pp. 34–47. (In Russ.)
- Badlaeva D. B. Our memory. In: Museums and Studies of Local History, Lore, and Nature. Peoples of Buryatia. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 1993. Pp. 9–13. (In Russ.)
- Baldanzhapov P. B. Towards a study of sources in Indo-Tibetan medicine. In: Exploring Sources in the Traditional System of Indo-Tibetan Medicine. Collected materials. Novosibirsk: Nauka, 1982. Pp. 10–17. (In Russ.)
- Bolsokhoeva N. D. Desi Sangye Gyatso (1653–1705) and his medical treatises. In: Parfionovich Yu. M. (ed.) The Atlas of Tibetan Medicine: Collected Illustrations to the 17th-Century Tibetan Medicine Guide Titled 'Blue Beryl'. Moscow: Galart, 1994. Pp. 26–31. (In Russ.)
- Bolsokhoeva N. D. Tibetan illustrations in Buryat traditional medical education. *The Siberian Pedagogical Journal*. 2006. No. 2. Pp. 178–183. (In Russ.)
- Buraeva S. V., Ayusheeva M. V. Collections of the Baldanzhapov Memorial Room. In: Cultural Heritage and Globalization. Experiences, Problems, Prospects of Maintaining Cultural Values in the Contemporary World. Conference proceedings (Syktyvkar, September 21–23, 2011). Syktyvkar: Komi State Pedagogical Institute, 2011. Pp. 25–27. (In Russ.)
- Chimitdorzhiev Sh. B. Purbo Baldanzhapov. In: Prominent Buryat Personalities. Vol. 4. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 2001. Pp. 29–30. (In Russ.)
- Dashiev D. B. Publishing the Collected illustrations: The tradition of illustrating medical treatises in Tibet revisited. In: Parfionovich Yu. M. (ed.) The Atlas of Tibetan Medicine: Collected Illustrations to the 17th-Century Tibetan Medicine Guide Titled 'Blue Beryl'. Moscow: Galart, 1994. Pp. 32–36. (In Russ.)

- Dylykova-Parfionovich V. S. Four Books and Blue Beryl: The treatises as a scientific basis for the present compendium of illustrations. In: Parfionovich Yu. M. (ed.) *The Atlas of Tibetan Medicine: Collected Illustrations to the 17th-Century Tibetan Medicine Guide Titled 'Blue Beryl'*. Moscow: Galart, 1994. Pp. 15–25. (In Russ.)
- Gerasimova K. M. Monument of medieval Tibetan culture. In: Parfionovich Yu. M. (ed.) *The Atlas of Tibetan Medicine: Collected Illustrations to the 17th-Century Tibetan Medicine Guide Titled 'Blue Beryl'*. Moscow: Galart, 1994. Pp. 37–43. (In Russ.)
- Gomboeva M. I. Purbo B. Baldanzhapov, 1921–1991. *Uchenye zapiski ZabGU. Filologiya, istoriya, vostokovedenie*. 2009. Pp. 77–81. (In Russ.)
- Kurasov S. V. Arts of Tibet as a Unified Creative System, 19th–20th Centuries: Iconology and Language of Images. Dr. Sc. (art studies) thesis abstract. Moscow, 2014. 41 p. (In Russ.)
- Kurasov S. V. Tibetan painting in the system of traditional arts. Genres and schools. *Decorative Art and Environment. Herald of the MGHPA*. 2012. No. 3. Pp. 3–15. (In Russ.)
- Levada Yu. A. Intelligentsia. In: Ferro M., Afanasyev Yu. (eds.) *50 / 50: A Dictionary of New Thinking*. Moscow: Progress, 1989. Pp. 128–131. (In Russ.)
- Nomogoeva V. V. The Tibetan medicine in Buryatia in the context of social modernization 1920–30 years. *Bulletin of the East Siberian Scientific Center SB RAMS (Acta Biomedica Scientifica)*. 2009. No. 3(67). Pp. 284–286. (In Russ.)
- Obodoeva B. V. Buddhist art in the vector of the Russian historiography. *Buryat State University Bulletin*. 2015. No. 14. Pp. 108–111. (In Russ.)
- Parfionovich Yu. M. (ed.) *The Atlas of Tibetan Medicine: Collected Illustrations to the 17th-Century Tibetan Medicine Guide Titled 'Blue Beryl'*. Moscow: Galart, 1994. 592 p. (In Russ.)
- Popova T. N. In search of the Azimuth: Or new trajectories of the old 'biographism'. In: *Profession — Historian. Celebrating L. P. Repina's Jubilee*. Moscow: Institute of World History (RAS), 2017. Pp. 46–68. (In Russ.)
- Sergeeva T. V. Illustrations to the treatise titled 'Blue Beryl'. In: Parfionovich Yu. M. (ed.) *The Atlas of Tibetan Medicine: Collected Illustrations to the 17th-Century Tibetan Medicine Guide Titled 'Blue Beryl'*. Moscow: Galart, 1994. Pp. 44–52. (In Russ.)
- Suvorov V. V. Oriental medicine as a factor to have sparked the interest of Russian society towards the East, late 19th – early 20th century. *Bulletin of Medical Internet Conferences*. 2014. Vol. 4. No. 3. Pp. 216–217. (In Russ.)
- Vanchikova Ts. P. Purbo B. Baldanzhapov (1921–1991). In: *Culture of Central Asia. Written Sources. Collected papers*. Vol. 4. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 2000. Pp. 3–9. (In Russ.)
- Vanchikova Ts. P., Rinchinova O. S. Tibetan medicine in Buryatia: Issues of development. In: *Celebrating the 350th Anniversary of Ulan-Ude. History, Environment, Community*. Irkutsk: Ottisk, 2016. Pp. 232–236. (In Russ.)
- Vasilenko V. A. P. B. Baldanzhapov's assessment of Qing China policy in Tuva from the XVIIth till the XIXth centuries (by material of the manuscript 'Tuva under the Yoke of the Manchu Invaders'). *Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*. 2013. No. 4–2 (30). Pp. 34–38. (In Russ.)
- Vasilenko V. A. Purbo Baldanzhapov's unpublished manuscript 'Tuva under the Yoke of the Manchu Invaders'. *The New Research of Tuva*. 2012. No. 2. Pp. 86–108. (In Russ.)
- Zhabon Yu. Zh. Center of Oriental Manuscripts and Xylographs (IMBTS SB RAS): The Tibetan collection of P. Baldanzhapov (1921–1991) revisited. In: *Culture of Central Asia. Written Sources. Collected papers*. Vol. 8. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 2014. Pp. 29–34. (In Russ.)
- Zhambalova S. G. Contemporary rural Buryat intelligence. *World of the Great Altai*. 2018. Vol. 4. No. 2. Pp. 276–288. (In Russ.)
- Zhambalova S. G. *The Atlas of Tibetan Medicine — Treasure of Buryatia*. Ulan-Ude: Buryatia Book Publ., 1997. 48 p. (In Russ.)
- Zhukovskaya N. L. The Atlas of Tibetan Medicine: At the crossroads of religion and policy. In: *About Buddhism and Buddhists. Articles of Different Years, 1969–2011*. Moscow: Orientalia, 2013. 474 p. (In Russ.)